

Дж. А. Гадимова
Бакинский славянский университет
Кафедра Общего языкознания

ПОЛЬСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ (КОНЕЦ XIX–XX ВВ.)

Abstract

The Polish Loan-Words in the Russian Literary Language (XIX–XX Centuries)

The article presents some loan-words of the Polish origins in the Russian literary language. Significant number of words adopted from Polish language along history of the Russian language essentially enriched its lexical fund. This article aims to reveal the Polish in the Russian literary language of the XIX – XX centuries and to analyze the semantic adaptation loan-words loaned by the Russian literary language from Polish.

Key words: polonism, loan-word, semantic, adaptation, source

Вопрос о польском влиянии на русский литературный язык освещен в ряде исследований – работах Я.К. Грота, А.И. Соболевского, Н.С. Трубецкого, А.М. Селищева, В.И. Чернышева, В.В. Виноградова, Л.А. Булаховского, Ю.С. Сорокина, В.М. Тамань, Е.Э. Биржаковой, Л.А. Войновой, Л.Л. Кутиной, Л.П. Крысина, а также в книге «Лексика русского литературного языка XIX–начала XX века» (авторы разделов – Е.П. Ходакова, Л.М. Грановская). Обстоятельное исследование «Польские заимствования в русском литературном

языке XV – XVIII вв.» Галины Милейковской охватывает вхождение польской лексики в русский литературный язык до начала XIX века.

Обращаясь к последующему времени, отметим, что этот материал представлен фрагментарно прежде всего потому, что ряд источников (а с ним и тем) не включался в сферу лингвистического описания. Посредническая роль польского языка в обогащении русского языка не ограничивалась допетровской эпохой, и на новом хронологическом срезе представлена новым кругом слов и понятий. Корпус «Документов и материалов по истории советско-польских отношений», относящихся ко времени 1917 по 1950 – 1955 гг., ставших важным этапом в жизни советского и польского народов, отражает разные этапы истории русско-польских отношений.

Большое значение представляют материалы, характеризующие польско-советские отношения в период Октябрьской революции и Гражданской войны, в межвоенный период и в годы совместной борьбы против фашизма, в послевоенные годы.

Собранный материал из источников, ранее не привлекавшихся для выборки и описания, позволил документировать ряд вхождений и способы их адаптации. Словник польских вхождений должен пополнить современные словари и расширить наши представления об этом процессе.¹

К концу XIX в. и весь последующий период полонизмы представляют собой сложившиеся обширные лексико-тематические группы слов, называющие реалии культуры и искусства (*краковяк, мазурка, оберек, обертас, шумка*, генсле, жлубцоки, варшавянка и др.); игры (*крагли, луза, фант* и др.); одежду (*доломан, кантуш, кацавейка, кирея, чамарка* и др.), названия головных уборов (*бриль, капуца, конфедератка* и др.); наименования блюд, напитков, напитков (буханка, зразы, пампуха, пляцки, пончик, сальцесон, шпикачки, муштарда, повидло, крамбамбули и др.); предметы кухонной утвари (дуршлаг, шумовка и др.); транспортные средства и дорожные принадлежности (*бричка, тачанка* и др.); слова, относящиеся к сфере сельского хозяйства (*гмина, фольварк, панщина, басаринка* и др.); наименования лиц (*бастрюк, копари, лайдак, магнат, матрона, шпак, шулер* и др.); растительный и животный мир (*апорт, кнафлик, марзанка, мордзев, шпанка*, индюк, кузька, марена, шкапа и др.); термины судебного дела, права, названия различного рода организаций и членов подобных организаций (дезензива, илляция, инстигаторы, кондемната, лавники, массовка, ржонд, рочки, филареты,

¹ Подробно об этом: Гадимова Дж.А. Семантико-грамматическая и стилистическая адаптация полонизмов в русском литературном языке XIX – XX вв. Диссертация на соискание учёной степени доктора философии по филологическим наукам. Баку, 2014, 153 с.

филоматы, харцер, честник и др.); военные термины, воинские знаки отличия (*довуца, клейноды, когорта, кракузы* и др.) и многие другие.²

Известное число полонизмов в начале XX в. входит в газетно-журнальную публицистику через материалы, освещающие работу Государственной Думы и ее Стенографические отчеты, изданные в первые десятилетия века: «Представитель польского коло»; «У всякого народа есть своя подстава, и эта подстава – школа» [10, с.77]; «Что за дело народной демократии до цели современного поколения», «Большинство писателей Царства Польского против этого стрейка» [10, с.81]. Окказионализмы широко используются в источниках, связанных с польской тематикой (ржонд и др.).

«Политический словарь» Б. Линского [СПб., 1906] фиксирует слово *угодовцы* (<польск. *ugoda* – «примирение») – <неорганизованная политическая партия в России, стоящая за примирительную политику с русским правительством, ограничивающая свои стремления автономией Польши, в противоположность большинству польских политических партий, требующему государственную самостоятельность Польского королевства> [с. 319].

Польской по происхождению является аббревиатура *гаката*, транслитерированная русским языком (от наиболее рьяных ненавистников Польши – немецких политиков Ганземана, Тидемана и Кеннемана), породившая образования *гакатистский*, *гакати́зм*, а также образование *пепеэсовцы* (от аббревиатуры ППС – Польская социал-демократическая рабочая партия), распространенное в русской политической литературе и журналистике.

О влиянии польского языка свидетельствуют публикации, посвященные языковой норме в русском литературном языке начала XX в. По свидетельству Азова, «продуктом полонизации» является слово *извиняюсь*. «До 1915 года никому, конечно, и в голову не пришло бы извиняться на польский лад (ибо *извиняюсь* есть перевод польского *przepraszam*). Беженцы же привезли с собою и ввели во всеобщее употребление нелепое пока. Сюда же: размените вместо разменяйте, подойдите вместо придите. Подойдите, *пожалуйста, в банк*.

– И.И.дома?

– Нет, но он сейчас зайдет. Полонизированные русские люди говорят зайдет вместо придет, одеть вместо надеть. Человеку, который любит русский язык, придется одеть рубище, сказать смиренно *извиняюсь* и подойти в пустыню [9, с. 8].

² См.: Большой русско-польский словарь. Т. 1 – 2. Составители: А. Минович, И. Дулевич и др. Warszawa: Wiedza Powszechna, 2004. Польско-русский словарь. Под ред. М.Ф. Розвадской. Изд. 6. М.: Гос. Изд-во Иностраных и национальных словарей, 1960.

В работе Н.Г. «Неправильности в современном разговорном, письменном и книжном русском языке» называется слово досконально – «слово польское, значит dokonечно, всеконечно, вполне; употреблять это польское слово есть полонизм, неуместный в русском языке. [9, с.13].

Литературная критика отметила сильное влияние прозы Пшибышевского и его переводов, которые занесли «эпилептическую фразу» – глагол без местоимений – структуру, совершенно не свойственную русскому языку. «К сожалению, – писал А.А.Измайлов, – эта манера заражает у нас и таких чутких стилистов, как, например, Леонид Андреев [5, с. 181].

Позднее, в 20–30 годы польская лексика бытовала на страницах произведений многих советских писателей, отразивших события Гражданской войны и последующего времени. Стилизованная польская речь звучит в прозе И.Бабея, Б.Лавренева, К.Паустовского и др., несобственно-авторском повествовании, соотнесенном с прямой речью, монологах и диалогах героев.

И за бенедиктином патер сказал художнику:

– Санта Мария, – сказал он, – желанный пан Аполинарий, из каких чудесных областей снизошла к вам ваша столь радостная благодать? – О тен человек! – кричит в отчаянии пане Робацкий. – Тен человек не умрет на своей постели... Тего человека забьют людове (И.Бабель. Пан Аполек)

Пан Куциевский обожает великую Польшу, которая еще не сгинела, в которой вскоре, может быть, будет пан круль... Это пышно, это прекрасно, как имя Ромуальд, это не похоже на серое быдло одинаковых людей, где сам пан президент летом ездит в отпуск в деревню, как замухрышка-чиновник, и там ходит босым, косит сено, как хлоп (Б.Лавренев. Мир в стеклышке).

В процессе заимствования полонизмы подверглись разного типа трансформациям. В статье рассмотрены некоторые из них.

Семантическая адаптация представлена:

- Словами, заимствованными в том же семантическом объеме: кацавейка <женская распашная короткая кофта, отороченная мехом>, шулер: 1. Картежник-профессионал, мошенничающий в карточной игре; 2. Мошенник, обманщик.
- Словами, изменившими значение. Массовка: 1. истор. В России до 1918 г. – митинг, революционная сходка; 2. Массовая сцена (в кино, театре); 3. Массовая газета; 4. Массовая экскурсия, прогулка. В польском языке за словом *masówka* тоже закреплено несколько значений: 1. Митинг, массовка; 2. Широкое употребление чего-то; 3. Массовое производство. Из польского в русский язык вошло прямое значение, сузившее семантику польского слова. В русском языке возникли переносные значения, отличающиеся от вторичных польского *masówka*. Агония

- «предсмертное состояние» (< польск. *agonia* < греч. *Agōnia* «борьба»). «Словарь русского языка XVIII века» [Л., 1984, I] фиксирует: агония и агон – <в медицине называется борение живущих еще частей физических с обмершими уже, или борение последней силы с миром физическим> [с.23]. В современном русском языке – многозначное слово: 1. Предсмертное состояние организма; 2. Состояние чего-нибудь перед концом, гибелью. Заядлый < польск. *zajadły* образовано от глагола *zajadać* «уплетать, пожирать». М.Фасмер считает его родственным со словами еда, есть. В «Большом русско-польском словаре» [Warszawa, 2004. I] заядлый – *zajadły* <злбный> зафиксировано одно значение [с.388]. В «Словаре русского языка» С.И.Ожегова [М., 1988]: <завзятый, с увлечением отдающийся какому-нибудь занятию> [с.185]. По-видимому, прилагательное заядлый в русском языке переосмыслилось, означая: <с увлечением, страстью предающийся какому-нибудь занятию>.
- Словами, освоенными в одном значении при многозначности их в языке-источнике: Клейноды (< польск. *klejnot* < нем. *Kleinod* «драгоценность») <войсковые знаки отличия, символы власти гетманов, казачьих атаманов и полковников>. В польском: 1. Драгоценность, ювелирное изделие; 2. Жемчужина, сокровище; 3. устар. Герб (дворянский); 4. Перстень с печатью (гербом). Шумовка (< польск. *szumówka* < *szumować* «снимать пену» < *szum* «пена» < ср.-в.-нем. *schûm* «пена») – большая ложка с частыми дырочками». В польском: 1.Шумовка; 2. Очищенная водка.
- Большое число слов-этнографизмов на протяжении XIX – XX столетий ввела переводная литература. Некоторые примеры:

Простая баба, кухарка, когда забегу к ним – угостят и обращаются как с ровней, а ведь у них, поди, одной землицы с тысячу влук будет – вот какие господа! (В.Реймонт. Брожение). – У газдов еще много свободных мест, ведь сезон еще не начался, – сказал ей сын этих знакомых, – так что мы живо найдем что-нибудь подходящее, я помогу вам... На дне ямы бил в землю киркой старый гураль (В.Жукровский. Ночи Ариадны). Притом, пока горит огонь, так тут такое гороньцо, как говорят твои литвики, что не знаешь куда деться, в то же время ноги и спина мерзнут (С.Жеромский. Бездомные). Пойдем это в бор за коровой или с двояками по ягоды соберется, ничего не наберет, с пустыми руками вернется... Летом ходил в рубашонке, опоясанной кромкой, и в соломенном обдерганном капылюхе, из-под которого поглядывал точно птица, задирая голову кверху... Увидел этак однажды карбовый, как он стоял недвижно, с уставшими по ветру волосами, жадно слушая

музыку ветра и вил, – увидел, сеял это с себя крепкий ремень да и вывел уж тут! (Г.Сенкевич. Янко-музыкант). *Документы для тебя у меня уже есть. У тебя очень красивое имя. Держи! – Он бросил на стол новенькую каннкарту.* – Чешковский Станислав (Е.Анджеевский. Пепел и алмаз).

Что касается стилистической адаптации и экспрессивно-эмоциональной окраски ряда слов, приобретаемой в процессе освоения, то они могут быть описаны лишь при исследовании целого корпуса текстов в связи с общей проблемой – реакцией на чужое слово-иноязычие, так называемым «стилистическим рефлексом». Многие из нейтральных в языке-источнике слов могут осваиваться и как стилистически сниженные. К примеру, польское нейтральное *mordować* вошло в русский язык как разговорно-просторечное.

Неисследованным остается вопрос о вхождении польской лексики в русские диалекты и жаргоны. Очевидно, оно было значительным «Большой словарь русского жаргона» [СПб., 2001], составленный В.М.Мокиенко и Т.Г.Никитиной приводит слово жлоб (польск. *zlob*): 1. кормушка для скота; 2. перен. олух, чурбан, дубина, остолоп еще в шести значениях, развившихся в русских жаргонах: 1.угол., уст. жандарм; 2.угол. пренебр. простак, деревенский мужик; 3.угол. человек, не имеющий отношения к преступному миру; 4.молод. пренебр. человек с низким интеллектуальным уровнем, ограниченный, лишенный вкуса, часто скупой; 5. молод. хулиган, член молодежной группировки; 6. муз. неодобр. хозяин дома, проявляющий нетактичности к приглашенным музыкантам. В компьютерном жаргоне жлоб затоваренный (файл, заархивированный архиватором). Производные жлобский, жлобство, жлобье, жлобяра <скряга>; жлобенья, жлобиться, используются в стилистически сниженной речи.

Литература

- Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972.
- Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев: Радянська школа, 1953.
- Виноградов В.В. История слов. М.: Толк, 1994.
- Грот Я.К. Филологические разыскания. СПб.: Второе отделение Императорской академии наук, 1873.
- Измайлов А.А. Помрачение божков и новые кумиры. М., 1910.

- Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. Москва: Наука, 1968.
- Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века. М.: Наука, 1981.
- Милейковская Г. Польские заимствования в русском литературном языке XV–XVIII вв. Варшава: Uniwersytetu Warszawskiego, 1984.
- Н.Г. Неправильности в современном разговорном, письменном и книжном русском языке. М., 1890.
- Польский вопрос в Государственной Думе. Санкт-Петербург, 1908.
- Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М.: Работник просвещения, 1928.
- Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90 гг. XIX века. М.-Л.: АН СССР, 1965.
- Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре// Вопросы языкознания, 1990, №3, с. 114–134.